

ПЕРВОЕ ФЕВРАЛЯ ¹.

Хотя бесѣда между мною и Фединькой происходила въ шуточномъ тонѣ, но небрежность, съ которою онъ отнесся къ моимъ совѣтамъ, не могла не огорчить меня. Основательно или неосновательно, но я не изъять нѣкоторыхъ опасеній. Боюсь я этихъ бойкихъ молодыхъ людей, которые, ради карьеры, готовы отречься отъ отца и матери, которые, такъ сказать, едва вышедши изъ пеленокъ, уже потрясаютъ указательнымъ перстомъ, какъ бы угрожая невидимому врагу: вотъ я тебя! Что вызываетъ эти угрозы? какое чувство руководить этими юношами, этими неоперившимися птенцами, въ то время, когда они направо и налево сверкаютъ зрачками глазъ? Ненавидятъ ли они свое отечество (вѣдь, собственно говоря, они ему-то и грозятъ), или просто на-просто не понимаютъ, что это за штука, которая называется отечествомъ?

Предположенія о ненависти я не допускаю. Во-первыхъ, это чувство слишкомъ тяжеловѣсное для этихъ легкихъ сердецъ; во-вторыхъ, можно ненавидѣть лишь то, что гнететъ, сковываетъ, отравляетъ существованіе, но какого же рода отравы можетъ испытывать, на примѣръ, Фединька? Помилуйте! онъ, не размышляючи, живетъ себѣ на всемъ на готовомъ, въ прошлое заглянуть не любопытствуетъ, въ настоящее не вникаетъ, а въ будущемъ — видитъ только отрады...

Скорѣе всего, это люди неразвитые, выучивавшіе въ школѣ свои тощія тетрадки, не обращая вниманія на ихъ смыслъ, и потому даже не понимающіе, по чьему адресу они посылаютъ свои угрозы. Слово «отечество» не смущаетъ ихъ, потому что они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о той безконечно-разнообразной массѣ интересовъ и отношеній, которыя оно собою захватываетъ. Они думаютъ, что это слово потому только бесполезное, что оно похвально звучитъ, въ парадныхъ слу-

¹ См. предыдущій № «Отечественныхъ Записокъ».

чаяхъ, въ ухахъ начальства. Сверхъ того, они знаютъ изъ хрестоматій: à tous les cœurs bien nés que la patrie est chère... И только.

Наиболѣе дальновидные изъ нихъ (тѣ, которые рассчитываютъ на солидныя карьеры, гдѣ упоминеніе объ отечествѣ придаетъ человѣку извѣстную серьезность) позволяютъ себѣ иногда щегольнуть этимъ словомъ даже запросто, между своими, но щегольство это, съ перваго же взгляда, поражаетъ своею внезапностью, искусственностью и скоротечностью. Сидитъ, наприимѣръ, Ѳединька за тонкимъ обѣдомъ у Бореля, сквернословить на счетъ предстоящихъ ему карьеръ, и дабы дать собравшимся собутыльникамъ понятіе о своей солидности (онъ надняхъ ждетъ мѣста, гдѣ безъ солидности обойтись нельзя), вдругъ, ни съ того ни съ сего, прерываетъ сквернословіе восклицаніемъ:

— Causons un peu de la patrie, messieurs! Ah! la patrie.. c'est sacré!

Всѣ на мгновеніе умолкаютъ; многіе завидуютъ: гм... должно быть, ему и въ самомъ дѣлѣ обѣщано! Но именно только на мгновеніе, потому что среди этого минутнаго смятенія, вдругъ раздается голосъ какого-нибудь приبلуднаго Жоржиньки:

— Rien-n'est sacrrrrré pour un sapeurrrrrre...

И всѣ опять повеселѣли, словно отъ кошмара освободились. Самъ Ѳединька не въ силахъ долше держаться на высотѣ своей серьезности, и ласково цѣдитъ сквозь зубы: шутъ! «Отечество» исчезаетъ, словно сквозь землю проваливается, и веселое сквернословіе вновь вступаетъ въ свои права. Не ясно ли, что это слово, даже въ облагороженной формѣ «la patrie», слишкомъ громоздко для этихъ людей?

Да, это совсѣмъ не жестокой, а именно только легкой и до невмѣняемости неразвитый народъ!

Тѣмъ не менѣе, не понимая, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «отечество» и какія обязанности послѣднее налагаетъ на дѣтей своихъ, молодые карьеристы, въ то же время, отлично понимаютъ, во-первыхъ, что доходы и оклады, съ помощью которыхъ они прожигаютъ жизнь, получаютъ ими въ отечествѣ, и, во-вторыхъ, что нигдѣ, кромѣ отечества, имъ не суждено удовлетворить той потребности молодечества, которая, за отсутствіемъ знаній и привычки размышлять, преслѣдуетъ ихъ на всякомъ мѣстѣ. Въ этомъ смыслѣ, и имъ, разумѣется, не чужда идея «отечества», но какого отечества? — того, которое все стерпитъ, да, вдобавокъ, еще и денегъ дастъ. Сильные этимъ соблаженіемъ и зная, что практика не особенно-таки противорѣчить ему, эти люди видятъ въ отечествѣ нѣчто фаталистически имъ подчиненное, обязанное повиноваться и быть твердымъ въ бѣдствіяхъ. Поэтому, они относятся къ нему безъ церемоній, а иногда и съ тѣмъ капризнымъ нетерпѣніемъ, съ которымъ, при крѣпостномъ правѣ, нѣкоторые не совсѣмъ умные помѣщики относились къ мужику. Выжавши изъ него весь сокъ и замѣ-

чая, что онъ ужъ не выдѣляетъ изъ себя новаго соба, они усматривали въ этомъ не произволеніе природы, положившей предѣлъ выдѣленію соковъ, даже мужицкихъ, но мужицкую интригу, фактъ злонамѣренной утайки принадлежащихъ имъ, помѣщикамъ, даней. И, разумѣется, сердились, сѣкли и ссылали въ Сибирь.

Отечество-пирогъ—вотъ идеаль, дальше котораго не идутъ эти незрѣлые, но нахальные умы. Мальчики, безъ году недѣлю вылѣзшіе изъ курточекъ, и объ томъ только думающіе, какъ бы урвать, укусить... ужели этого зрѣлица недостаточно, чтобы взволновать чувствительныя сердца?

Въ послѣднее время, это одностороннее отношеніе къ задачамъ и формамъ подлежащей жизненной дѣятельности, къ сожалѣнію, еще болѣе обострилось. Въ массѣ людей «постороннихъ», не провиденціальныхъ, уже начинаютъ выдѣляться личности, которыя слову «отечество» придаютъ очень серьезный смыслъ, которыя прямо говорятъ, что отечеству надлежитъ служить, а не жрать его. Сверхъ того, тѣмъ же сознаниемъ серьезности проникается, въ значительной степени, и современная русская литература. По настоящему, этотъ фактъ долженъ былъ бы пробуждать довѣріе, а онъ, напротивъ того, бѣситъ. Бѣситъ, потому что провиденціальные мальчики никакъ не могутъ понять, какъ это *вдругъ* пришло. Откуда взялось мнѣніе, что отечество — не пирогъ, а культъ, дающій очень мало правъ и налагающій очень много обязанностей? Кто это говоритъ? подумайте... КТО это говоритъ? Это говорятъ люди «посторонніе», которымъ, по настоящему, *до этого и дѣла-то нѣтъ!* И кому они говорятъ это? — тѣмъ, которые и днемъ и ночью, и въ ресторанахъ и въ кафешантанахъ, всегда готовы продекламировать: *à tous les cœurs bien nés que la patrie est chère!* Очевидно, что это не спроста, а *нарочно*; что тутъ есть кабая-то пертурбація, подрывъ, потрясеніе! И вотъ, провиденціальные мальчики чувствуютъ себя оскорбленными и начинаютъ сердиться. Угрозы, имѣвшія дотолѣ отгвную простую (хотя и халдоватой) неряшливости, приобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ характеръ болѣе и болѣе острый. Глаза горятъ, ноздри раздуваются, изъ устъ бьетъ пѣна... Это у мальчиговъ-то!

Какъ хотите, а это страшно. Цѣлыя массы провиденціальныхъ мальчиговъ каждагодно выбрасываются изъ всевозможныхъ заведеній на арену жизни... цѣлыя массы съ слюной на устахъ! И это—надежда, это—запасъ, изъ котораго будущему предстоитъ черпать! И каждый членъ этой массы безтрепетно грозитъ перстомъ: вотъ я васъ! Каждый мнитъ, что все, что ни охватить его жадный взглядъ—все это не что иное, какъ арена, уготованная для подвиговъ его молодечества, арена, на которой онъ можетъ дразниться, подтягивать, «учить», утверждать въ вѣрѣ и т. д. Разсмыслите, сколько путаницъ, смуть и недоумѣній осуществляютъ въ своемъ лицѣ эти новаго рода сапѣры, для которыхъ... *rien n'est sacré pour un sapeur*?

И притомъ, не простые сапёры, а осложненные предвидѣніемъ какихъ-то препятствій, сапёры, убѣдившіеся, что пирогъ, осуществляемый отечествомъ, нужно не просто ѣсть, а сколько можно ожесточеннѣе рвать зубами, потому что внутри его, вмѣсто начинки, засѣло скопище неблагонамѣренныхъ людей, которые имѣютъ дерзость утверждать, что отечество есть культа. Куклы!.. *sapristi! à qui le dites vous?*

Забудемъ, однако, о «постороннихъ» людяхъ, допустимъ, что Россія, дѣйствительно, пирогъ, и только пирогъ. Ну, и ѣшьте его. Но ѣшьте втихомолку, безъ гвалта, не надругаясь надъ божьимъ даромъ, не разбрасывая добра по сторонамъ, ѣшьте, какъ при вѣрнопостномъ правѣ ѣдали умные ѣдоки, которые отлично понимали, что мужика невыгодно обглаживать до костей. Поѣшьте и сдѣлайте роздыхъ, займитесь пищевареніемъ. Размыслите: чѣмъ спокойнѣе и расчетливѣе вы будете ѣсть, тѣмъ больше у васъ останется ѣды напередки, тѣмъ продолжительнѣе будетъ ваше пиршество. При помощи сноровки, благоразумія и скромности, вы даже можете достигнуть совсѣмъ неожиданныхъ результатовъ: покончивши съ однимъ пирогомъ, вы получите на смѣну другой, третій и т. д. Ужели эта перспектива не достаточно соблазнительна, чтобы, ради нея, не разстаться съ бесплодными угрозами?

Зачѣмъ похваляться какими-то прерогативами? зачѣмъ говорить: вотъ мы будемъ пирогъ ѣсть, а вы, любезные соотечественники, обязываетесь въ это время смотрѣть въ оба и не пивнуть? зачѣмъ угрожать, пугать, дразниться? Какая выгода, какое удовольствіе вамъ отъ того, что, покуда вы гремите тарелками, соотечественники ваши будутъ въ паническомъ молчаніи таращить на васъ глаза? Не пріятнѣе ли, не въ сто разъ веселѣе ли было бы для васъ самихъ, еслибъ эти же самые соотечественники, во время вашей трапезы, потрясали воздухъ клизмами ликованія, предавались обычнымъ невиннымъ занятіямъ, суетились, ходили взадъ и впередъ, и даже... немножко шумѣли? Сообразите сами: вѣдь это ликованіе, этотъ шумъ — вѣдь это своего рода музыка; это движеніе, эта суета, этотъ вольный аллюръ — своего рода пріятнѣйшій *tableau de genre*. Не даромъ, помѣщики добрые (они же и умные), въ числѣ прочихъ удовольствій, пріятныхъ барскому сердцу, допускали хороводы, игры и вообще всякое невинное, хотя бы и шумное измѣненіе мужицкаго веселонравія. Даже скотина — и та въ стадѣ ѣсть веселѣе, нежели въ одиночку. А притомъ же, поймите еще и то, что безъ говору, безъ суеты ничего путнаго нельзя произвести. Вы съѣдите одинъ пирогъ; и вамъ же понадобится другой — какимъ образомъ состряпаютъ его эти люди, которые до того вами (или, точнѣе, не вами въ дѣйствительности, а вашими похвальбами) напуганы, что ничего другого не могутъ, кромѣ какъ въ оценѣнній ожидать, съ которой стороны ихъ хлопнетъ: по затылку или въ лобъ?

Я знаю, вы убѣждены, что все это необходимо для того, чтобы

утвердить въ «постороннихъ людяхъ» уваженіе къ авторитету. Но понимаете ли вы сами всю непосильность взятой вами на себя задачи? Во-первыхъ, вы, очевидно, смѣшиваете уваженіе къ авторитету съ испугомъ, потому что хотите утверждать первое механически, а механически утверждается только испугъ. Во-вторыхъ, какъ ни законно желаніе, чтобы авторитетъ былъ окруженъ уваженіемъ, но насколько же можетъ содѣйствовать этому дурная привычка дразниться? Ахъ, это именно дурная и вредная привычка! Дразнясь, вы искажаете собственныя лица, которыя, вслѣдствіе этого, дѣлаются не только не внушительными, но просто на просто смѣшными. Дразнясь, вы обращаете вашу мысль преимущественно къ мелочамъ и опускаете изъ вида существенное. Дразнясь, вы больше оскорбляете, пробуждаете въ сердцахъ несравненно большую массу горечи, нежели даже допуская прямая жестокости. Увы! вы слишкомъ еще юны, чтобы понимать, какъ безконечно подло положеніе человѣка, который понимаетъ, что его можно безтрепетно дразнить! И какъ въ миллионъ кратъ еще подлѣе положеніе того человѣка, который, пользуясь этой подлостью, все-таки продолжаетъ дразниться. Размыслите же объ этомъ, молодые люди, размыслите для вашей собственной пользы! Я знаю, что вы не любите думать (считаете «думанье» источникомъ всякаго зла), но на этотъ разъ сдѣлайте надъ собою усиліе, и подумайте! И я увѣренъ, что вы безъ труда убѣдитесь, что вашими похвальбами, угрозами и подтягиваніями, вы не только не утверждаете, но даже прямо компрометируете, попираете ногами дорогой для васъ принципъ авторитета.

Не могу не рассказать по этому случаю одного происшествія, которому я самъ былъ когда-то свидѣтелемъ. Былъ у меня, во времена крѣпостного права, знакомый помѣщикъ, человѣкъ не жадный, не жестокий, но, на свое горе, идейный. Всякія идеи приходили ему въ голову въ часы досуга, и между прочимъ идея объ утвержденіи помѣщичьяго авторитета въ родномъ селѣ Загибаловѣ. Съ чего онъ взялъ, что авторитетъ его недостаточно проченъ — этого я, за давнопрошедшемъ временемъ, не упомяну; помню только, что онъ непрерывно твердилъ: «надо, тсп сгег, непременно надо это устроить! распущены они! чортъ знаетъ до чего распущены!» И еще помню, что распущенность, какъ видно было изъ его словъ, преимущественно заключалась въ томъ, что мужики не особенно стѣснительно относились къ нему, когда онъ проходилъ по селу. А онъ таки любилъ пройтись гоголемъ по сельской улицѣ, а въ особенности любилъ, чтобы мужикъ издали увидѣлъ его и, издали-же снявъ шапку, привѣтствовалъ его приближеніе пояснымъ поклономъ.

— Понимаете! говорилъ онъ мнѣ: — не поклонъ ихъ мнѣ нуженъ, а нужно убѣжденіе, что они сознаютъ свои обязанности относительно меня, что мой авторитетъ, *en un mot.. vous comprenez?*

И вотъ, онъ принялся утверждать свой авторитетъ между за-

гибаловским мужиками или, сказать проще, начал притѣснять и дразнить мужиковъ. Замѣтитъ мужика, который дѣломъ занятъ, и начнетъ около него гоголемъ похаживать. Пройдетъ разъ мимо, почуветъ мужикъ боярскій духъ, отвѣситъ поясной поклонъ—хорошо; не спохватится—сейчасъ кроткое правоученіе съ иллюстраціями изъ избранныхъ сочиненій по части митирогнозис. Черезъ минуточку, только что мужикъ вновь углубился въ занятіе—хватъ, анъ помѣщикъ, опять тутъ какъ тутъ! Опять утвержденіе авторитета, опять раздающееся на все село: го-го-го! И до тѣхъ поръ такъ дѣйствовалъ, покуда облюбованный мужикъ не убѣждался, что нужно выкинуть изъ головы всякую заботу о дѣлѣ, и, вмѣсто того, стоять выпучивши глаза и выглядывать, не появится ли гдѣ-нибудь баринъ, чтобъ своевременно отвѣситъ ему требуемый поклонъ.

Такимъ образомъ, онъ перепробовалъ всѣхъ мужиковъ своего имѣнія и, дѣйствительно, добился-таки, что всѣ они выпучили глаза. Много было тутъ и комическихъ сценъ, но, право, больше было трагедій. Авторитетъ былъ насажденъ, но мужицкія хозяйства запустили, а вслѣдъ за тѣмъ, естественно, послѣдовала задержка и въ барскихъ оброкахъ. Однакожь, какъ человѣкъ идейный, мой знакомецъ и съ этимъ мирился, лишь бы цѣль его жизни была достигнута. Но вотъ пробилъ грозный часъ, часъ уплаты процентовъ опекунскому совѣту. Ни денегъ, ни цѣнностей не было—все обращено было въ авторитетъ. Разумѣется, село Загибалово было въ непродолжительномъ времени продано съ аукціоннаго торга.

Вы можете, о молодые карьеристы, вывести изъ этой критики такое поученіе, какое сами заблагоразсудите; я же, съ своей стороны, обязываюсь прибавить одно: что сравненіе съ сейчасъ названнымъ помѣщикомъ не только не унижительно, но даже черезчуръ лестно для васъ. Знакомецъ мой былъ человѣкъ хотя и не умный, но идейный, и въ пользу разъ облюбованной идеи жертвовалъ даже пирогомъ. Вы же, оставаясь неумными, хотите, въ одно и тоже время, и дразниться, и пирогъ за собой сохранить!.. Развѣ это естественно?

И замѣтите, что вы не платонически только дразнитесь, а прямо являетесь въ жизнь съ твердымъ намѣреніемъ «дѣлать нарочно». Вы вполне серьезно убѣждены, что воспрославиться можно, только поступая наперекоръ, *дѣлая нарочно*. Откуда пришло къ вамъ это убѣжденіе, кто внѣдрилъ его въ васъ—этого я рѣшительно не понимаю. Не думаю, чтобъ это внушили вамъ почтеннѣйшіе ваши родители, не предполагаю также, чтобъ вы почерпали этотъ принципъ въ стѣнахъ «заведеній», которыя охраняютъ вашу юность, и еще меньше могу допустить, чтобъ вы могли наслышаться объ немъ отъ татаръ Борелева ресторана, гдѣ вы, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, исподволь приучаетесь проживать жизнь. И родители, и воспитатели, и Борелевскіе татары виноваты развѣ въ одномъ: что они черезчуръ ужь

любуются вами, черезчуръ желаютъ вамъ успѣховъ, однихъ успѣховъ! Они убѣждены заранее, что вы явились въ міръ за тѣмъ единственно, чтобы преуспѣвать и дѣлать карьеры. Вы—провиденціальные мальчики, и въ согласность этому и воспитаніе вамъ даютъ провиденціальное же, то есть безъ участія наукъ, которыя, впоследствии, могли бы заставить васъ остановиться, задуматься, или вообще какъ нибудь огорчить. Отсюда, общая увѣренность, что вы «достигнете» — непременно. Но средствъ, къ которымъ вы прибѣгнете, чтобы воспрославиться, угадать нельзя, потому что они мѣняются сообразно съ условіями времени. Эти средства вы создаете сами. Вы отгадываете откуда и какимъ вѣтромъ дуетъ, вы видите примѣры вашихъ ближайшихъ сверстниковъ, вы чутко слѣдите за ихъ быстрыми шагами на пути карьеры и молодчества и, согласно съ этими наблюденіями, совершенно точно опредѣляете, какая, въ данномъ случаѣ, потребуется доза проворства, бойкости, а, пожалуй, даже и нахальства. Такимъ образомъ, уже въ стѣнахъ школы устанавливается въ вашихъ понятіяхъ цѣлая традиція, и на основаніи ея образуется извѣстный товарищескій «духъ». Вотъ этотъ-то именно «духъ» я и не могу назвать ни плодотворнымъ, ни доброкачественнымъ.

«Дѣлать нарочно», то есть дѣйствовать наперекоръ общему мнѣнію и здравому смыслу—вещь тоже далеко не новая. И тутъ можно найти очень поучительные прецеденты въ крѣпостной практикѣ. Помѣщики неумные всегда такъ поступали; они заставляли людей дѣлать именно такое дѣло, къ которому послѣдніе совсѣмъ не способны, и, по какому-то совершенно безумному капризу, отрывали ихъ отъ работы въ такое время, когда работа всего больше необходима. Въ особенности же держались этой системы при распредѣленіи сельскихъ и хозяйственныхъ должностей, стараясь угадать, кто именно, въ качествѣ старосты или прикащика, можетъ быть всего неприятыѣ мужикамъ. Предполагалось... но что именно тутъ предполагалось—этого даже приблизительно понять нельзя. Вѣроятно, что-нибудь тоже въ родѣ «утвержденія авторитетовъ». Но выходила неслыханная бессмыслица и неслыханное страданіе. Безумные люди какъ бы мстили хлѣбу за то, что онъ насыщаетъ ихъ. И мстили систематически, съ серьезнымъ тупоуміемъ, ни на минуту не задумываясь надъ тѣмъ, что могильная тишина, которой они достигали, переполнена проклятіями.

Но мало того, что это вещь не новая—она, сверхъ того, и положительно вредная. Продолжительное практикованіе подобной системы убиваетъ не только тѣхъ, на которыхъ она практикуется, но и тѣхъ, которые практикуютъ ее. Оно дѣлаетъ практикующаго злымъ! О молодые люди! вы не знаете, какая это трудная задача быть злымъ! Это тягчайшая изъ всѣхъ казней, въ которой соединяется: и отказъ отъ человѣческаго образа, и отрѣшеніе отъ радостей и благъ жизни, и добровольное самоустраченіе отъ

общенія съ живыми людьми. Кто изъ васъ рѣшится этой цѣной купить себѣ славу человѣка, сгибающаго въ бараній рогъ? Взгляните на портреты наиболѣе прославившихся «сгибателей» — что вы увидите на этихъ угрюмыхъ и озабоченныхъ лицахъ, кромѣ безразсвѣтнаго мрака тоски! Пронесли они безплоднымъ, изсушающимъ вѣтромъ по лицу земли; раззоряли, преслѣдовали по пятамъ, душили и, наконецъ, сами задохлись въ судорогахъ свѣдавшей ихъ угрюмости! И даже могилы ихъ стоятъ забытыми, потому что всякій спѣшитъ скорѣй пройти мимо, чтобы не вспомнить кошмара, который неразлученъ съ памятью объ нихъ...

Увы! все это, еще при жизни, было написано на ихъ лицахъ! Все, даже предчувствіе забвенія, которое окружить ихъ могилы!

Тоска, отчаянье, одиночество, почти одичалость — вотъ старость, которую вы готовите себѣ. Конечно, эта метаморфоза можетъ, на первый взглядъ, показаться вамъ рискованною и даже смѣшною. Покуда вы еще такіе радостные, проворные, общежительные — трудно даже представить себѣ, чтобы для васъ когда-нибудь наступилъ періодъ тоски и одичалости. Къ сожалѣнію, это не только возможно, но и неизбежно. Прикосновеніе къ извѣстной жизненной практикѣ производитъ въ человѣкѣ измѣненія, поистинѣ, волшебныя. Оно сушитъ жизненные соки, оно разомъ порываетъ тѣ невидимыя нити, которыя связываютъ человѣка съ человѣкомъ, оно отчуждаетъ человѣка, кладетъ на него печать выморочности. Стало быть, въ сущности, васъ ждетъ не перспектива молодечества, а перспектива унынія и медленнаго одинокаго разложенія. Подумайте объ этомъ теперь, когда еще не ушло время, потому что *послѣ*, когда въ васъ окончательно притупится способность воспринимать впечатлѣнія, когда вы *привыкнете* — будетъ уже поздно. Освоившись съ атмосферой, которая сама собой образуется вокругъ васъ, вы уже не найдете въ себѣ ни силы, ни даже потребности жить для нея.

О молодые люди! когда вы съ такимъ неизреченнымъ легкомысліемъ начинаете грозить отечеству: вотъ я тебя! — вы не повѣрите, какъ тяжело бываетъ смотрѣть на васъ! И жалость беретъ, и отвращеніе, и страхъ. Жалость къ вамъ, отвращеніе — къ вашей неблаговоспитанности, страхъ — за все испуганное, валяющееся въ прахѣ, не имѣющее ни силы придти въ себя, ни смѣлости взглянуть вамъ въ глаза. Но что ужаснѣе всего: вы до такой степени презираете все, что *не вы*, что ничего не хотите ни слышать, ни видѣть, ни понимать. Все кругомъ предостерегаетъ васъ, а вы все-таки идете на проломъ, грудью впередъ... куда?

Передъ вами лежитъ громадная загадочная масса, и вы полагаете, что ее можно сразу разгадать и опредѣлить одною фразой: въ бараній рогъ согну! Право, такое опредѣленіе слишкомъ просто и коротко, чтобы быть вѣрнымъ. Хотя это замѣчаніе и чисто внѣшняго свойства, но, повѣрьте, оно имѣетъ свою цѣну. Сложная масса и опредѣленій требуетъ сложныхъ — это

аксіома, которую вамъ придется признать при первомъ нѣсколь-
ко серьёзномъ столкновеніи съ жизнью. А вѣдь отъ этихъ столк-
новеній и вы не обезпечены, какъ ни беззавѣтно одушевляющее
мась легкомысліе...

.....
Я знаю, что въ числѣ моихъ читателей очень многіе упру-
дутъ меня за выборъ предмета, которому я посвятилъ эти бѣг-
лые очерки. Что такое эти провиденціальные младенцы? скажутъ
они:—это не больше, какъ безсильная каста сорванцовъ-недоум-
ковъ, которая, конечно, вызываетъ досаду своимъ откровеннымъ
безстыдствомъ, но которая, вслѣдствіе самой своей безсодержа-
тельности, никакъ ужъ ни можетъ вліять на будущее; это кучка
изолированныхъ, непомнящихъ родства призраковъ, которые несом-
нѣнно исчезнутъ при первомъ появленіи солнечнаго луча. Масса,
у которой и своего дѣла по горло, у которой нѣтъ времени смо-
трѣть на представленія Богъ вѣсть откуда явившихся злоу-
новъ, не только не чувствуетъ ихъ присутствія, но даже не знаетъ
объ ихъ существованіи. Еслибъ они во истину имѣли рѣшающій
голосъ въ историческихъ судьбахъ, то мы давно бы видѣли по-
всемѣстное запусѣніе. Но вѣдь этого нѣтъ, по жизнь еще несло-
жила оружія—стало быть, нѣтъ основанія и для опасеній. Пу-
скай безумцы посылаютъ въ пространство свои угрозы, пускай
пробуютъ свои молодыя силы на подвигахъ безцѣльнаго молоде-
чества—угрозы ихъ разнесетъ вѣтеръ, подвиги не перейдутъ за
черту заколдованнаго круга, въ которомъ они зародились. Стоитъ
ли обращать вниманіе на эти преходящія сновидѣнія, въ кото-
рыхъ нечего осязать и которыя, въ добавокъ, до того безсвязны,
что невозможно прослѣдить въ нихъ ни начала, ни середины, ни
конца. Призраки всегда были и всегда будутъ. Всегда существо-
валъ этотъ досадный фантастическій міръ, который надоѣдливо
жужжалъ въ уши и присаживался какъ можно ближе къ пирогу.
И никогда онъ не измѣнялъ себѣ, хотя внѣшнія формы его, въ
разное время, были различны. Всегда онъ хвастался, лгалъ и
пустословилъ, но пустословіе это не оставляло слѣдовъ. И кто
эти люди?—какіе-то едва вышедшіе изъ курточекъ младенцы ..
брысь!

Къ сожалѣнію, въ этомъ возраженіи я вижу только одну по-
дробность, съ которой могу безусловно согласиться. А именно:
что изслѣдуемый мною міръ есть во истину міръ призраковъ. Но
я утверждаю, что эти призраки не только не безсильны, но самымъ
рѣшительнымъ образомъ вліяютъ на жизнь. Это ужасно унизит-
тельно, но это такъ. Я понимаю очень хорошо, что, съ появле-
ніемъ солнечнаго луча, призраки должны исчезнуть, но, увы! я
не знаю, когда этотъ солнечный лучъ появится. Вотъ это-то
именно и гнететъ меня, это-то и заставляетъ ощущать страхъ
за будущее. Мы ждемъ, что лучъ ослѣпитъ нашу жизнь не даль-
ше, какъ завтра, но вѣдь и предшественники наши этого жда-
ли, и ихъ предшественники — тоже. Отъ начала вѣковъ этого

ждутъ, тысячи поколѣній сгорѣли въ этомъ ожиданіи, а міръ все еще кишитъ призраками. И наша дѣйствительность до того переполнена, залопонена ими, что мы, изъ-за массы призраковъ, не видимъ очертаній жизни. Мало того: мы сами отчасти дѣлаемся призраками, принимаемъ ихъ складку: возможна ли обида горше этой? Увы! они сильнѣе силы, живучѣе жизни... эти призраки. И я, который пишу эти строки, я пишу ихъ подъ игомъ призраковъ, и вы, читающіе эти строки — вы читаете работу, вымученную призраками...

Правда, что призраки, о которыхъ я повелъ рѣчь, черезчуръ уже мизерны и юны, и потому ихъ призрачность кажется какъ бы сугубою. Тѣмъ не менѣе, я продолжаю утверждать: это призраки, которые стерегутъ наше ближайшее будущее! Что же касается до солнечнаго луча, то и я жду его вмѣстѣ съ прочими, но ожиданіе это ни мало не разрѣшаетъ тяжелыхъ потемковъ, которые царствуютъ окрестъ.

.....

Какъ бы то ни было, но изложенныя сейчасъ размышленія не на шутку встревожили меня. Я считаю себя добрымъ родственникомъ, люблю кузину Nathalie («она такая слабенькая, совсѣмъ, совсѣмъ куколка»), и охотно переношу эту любовь на ея сына. Мнѣ было бы очень больно, еслибъ Оединька игралъ дѣятельную роль въ этой мальчишеской комедіи потрясанія перстомъ. Я знаю, конечно, что начальство довольно снисходительно смотритъ на шалости молодыхъ людей, но вѣдь неровенъ часъ, вдругъ оно спроситъ: а позвольте, господа, узнать, кто уполномочилъ васъ дразнить вашихъ согражданъ и глумиться надъ любезнымъ отечествомъ? Что отвѣтить на этотъ вопросъ Оединька? Боюсь я, сильно боюсь, какъ бы мнѣ не пришлось сгорѣть за него со стыда.

Хоть онъ и не носитъ моей фамиліи, но все-таки онъ... Неугодовъ!! Неугодовъ.. гдѣ бишь «сидѣль» какой-то Неугодовъ? жому бишь другой такой же Неугодовъ цѣловалъ крестъ? Вотъ они... Неугодовы!! Ужъ ради одного этого можно было побезпокоиться, чтобы послѣдній отпрыскъ этихъ достославныхъ «сидѣльцевъ» и «цѣловальниковъ» не осрамился въ конецъ.

Подъ вліяніемъ этихъ тревогъ, я рѣшился какъ можно скорѣе узнать, какъ полагаетъ Оединька поступить съ Россіей въ томъ недалекомъ будущемъ, когда чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника украсить его формуляръ.

Нешо.